

УДК 821.111(73)

**ЧЕРТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ш. ДЖЕКСОН «ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ»****Л. В. МИСНИК***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)*

Рассматривается роман Ш. Джексона (Shirley Jackson, 1916–1965) «Призрак дома на холме» (*The Haunting of Hill House*, 1959). Анализируются черты психологического романа, выделяются художественные средства, характерные для раскрытия психологизма через образы дома и матери.

Ширли Джексон (Shirley Jackson, 1916–1965) – писательница, классик американской литературы XX века. Работы Ш. Джексона оказали влияние на становление писателей Нила Геймана, Стивена Кинга, Джоан Харрис и Ричарда Матесона. Ш. Джексон известна как автор рассказа «Лотерея» (*The Lottery*, 1948), романов «Призрак дома на холме» (*The Haunting of Hill House*, 1959), «Птичье гнездо» (*The Bird's Nest*, 1954), «Солнечные часы» (*The Sundial*, 1958), «Мы всегда жили в замке» (*We Have Always Lived in the Castle*, 1962) и др.

«Призрак дома на холме» – это роман, в котором представлен психологический подход к ужасам. Сюжет романа представляет собой описание сверхъестественных явлений, которые влияют на психическое состояние главной героини.

Хилл-Хаус, имеющий репутацию дома с привидениями, начинает исследовать доктор Монтегю и его гости. Среди этих гостей – Элеонора Вэнс, чья связь с домом вскоре становится психологически пагубной. В то время как остальные члены группы не могут объяснить сверхъестественные события, считая их естественными, либо случайностями, Элеонора проявляет уникальную восприимчивость к дому. Эта уязвимость, подпитываемая ее прошлыми травмами и воображением, заставляет ее принять дом как место, где она может осуществить все свои желания. Однако дом как воплощение «абсолютной реальности» заставляет Элеонору столкнуться с фрагментами своего прошлого, которые она хотела бы забыть.

В романе «Призрак дома на холме» автор использует различные художественные средства для раскрытия психологизма: внутренний монолог, персонажи-двойники, сны героев, их планы на будущее, записки, повествование как от третьего, так и от первого лица. Психологический кризис Элеоноры Вэнс, главной героини романа, является неизбежным следствием ее взаимоотношений с властной и контролирующей матерью, за которой Элеонора ухаживала последние одиннадцать лет своей жизни. Элеонора всячески пытается уйти от реального мира, она ищет уединения, но в то же время хочет находиться в обществе, быть в нем уважаемой. В этом заключается противоречивость ее характера, на которой построена композиция романа.

По ходу повествования об Элеоноре создаются противоречивые представления, в результате чего она становится сложным персонажем, таким же загадочным, как и сам Хилл-Хаус. Доктор Монтегю – антрополог, изучающий привидения Хилл-Хауса, отмечает, что в доме «каждый угол немного неправильный»¹³¹ [1, с. 77], так же устроен и внутренний мир Элеоноры. Хоть она и говорит своей импровизированной семье в Хилл Хаусе, что она «всегда боится остаться одна»¹³² [1, с. 118], в то же время она довольна уединением, даже испытывает «радостное одиночество»¹³³ [1, с. 15], когда обедает одна в кафе по дороге в Хилл-Хаус. Точно так же, подъезжая к Хилл-Хаусу, Элеонора с удовлетворением размышляет о том, что ее машина стала «маленьким замкнутым миром, который принадлежит только ей»¹³⁴ [1, с. 11]. В отношении семьи Элеоноры снова возникает противоречие: желая почувствовать семейное единение, она в то же время отвергает своих родственников. В Хилл-Хаусе она уверяет себя, что принадлежит к группе людей, собравшихся там, которых она называет семьей, и повествователь сообщает, что «единственным человеком в мире, которого она искренне ненавидела, теперь, когда ее мать умерла, была ее сестра»¹³⁵ [1, с. 4]. Элеонора даже «испытывает неприязнь к своему шурина и пятилетней племяннице»¹³⁶ [1, с. 4]. Ирония заключается в том, что, хотя Элеонора жаждет семьи, она отвергла тех, кто биологически связан с ней, и, похоже, сама выбрала стать обособленной личностью.

В основе характера Элеоноры лежит главное противоречие ее жизни: желание быть одновременно единой с матерью и независимой от нее. Одиннадцать лет, которые она провела, ухаживая за своей боль-

¹³¹ «every angle is slightly wrong» [2, p. 77].

¹³² «always afraid of being alone» [2, p. 118].

¹³³ «joyful loneliness» [2, с. 15].

¹³⁴ «A little contained world all her own» [2, p. 10].

¹³⁵ «[T]he only person in the world she genuinely hated, now that her mother was dead, was her sister» [2, p. 3].

¹³⁶ «dislike[s] her brother-in-law and her five-year-old niece» [2, p. 3].

ной матерью, привели к тому, что Элеонора «не могла смотреть на яркий солнечный свет, не моргая»¹³⁷ [1, с. 4], и этот затворнический образ жизни привел к тому, что Элеонора стала «замкнутой и застенчивой»¹³⁸ [1, с. 4]. Как предполагает критик Дэррил Хаттенхауэр, Элеонора «потеряла юность и шанс на карьеру и постоянный дом, в то время как ее старшая сестра избежала заботы о матери и создала свою собственную семью»¹³⁹ [3, с. 477]; следовательно, она не только презирует мать за ограничение свободы, но и завидует своей сестре Кэрри, которая избежала участи стать сиделкой.

По ходу повествования Элеонора продолжает раскрывать информацию о своих отношениях с матерью. Мы узнаем, что в их доме «кухня была темной и узкой, и ничто, что вы там готовили, никогда не имело вкуса»¹⁴⁰ [1, с. 83], что указывает на ощущение безжизненности, которое она там испытывала. Когда Теодора, еще одна гостя Хилл-Хауса, спрашивает Элеонору, сожалеет ли она о смерти матери, та просто отвечает, что мать не была очень счастлива, тем самым, не отвечая на вопрос и намекая, что она не скорбит. Желание Элеоноры вырваться из-под контроля находит дальнейшее подтверждение, когда она рассказывает, что дом ее матери был продан вскоре после ее смерти.

По прибытии в Хилл-Хаус Элеонора поначалу испытывает сомнения, спрашивая себя: «Зачем я здесь?»¹⁴¹ [1, с. 20], и даже подумывает о том, чтобы уехать совсем: «Я могла бы развернуть свою машину прямо здесь и сейчас перед этими воротами и уехать отсюда, и никто бы меня не винил»¹⁴² [1, с. 23]. В попытках побороть свои страхи, Элеонора пробует романтизировать Хилл-Хаус, сочиняя захватывающие истории, думая: «Возможно, в Хилл-Хаусе есть башня, или тайная комната, или даже проход, уходящий в холмы и, возможно, используемый контрабандистами»¹⁴³ [1, с. 24]. Она даже размышляет: «Возможно, я встречу дьявольски красивого контрабандиста»¹⁴⁴ [1, с. 24], однако, несмотря на эти попытки подавить свои страхи, даже таких выдумок недостаточно, чтобы игнорировать реальность Хилл-Хауса.

По иронии судьбы, Хилл-Хаус представлен в образе матери, правда, явно нелюбящей и помешанной. Вскоре после того, как Элеонора приезжает в дом, она думает: «Я как маленькое существо, проглоченное целиком... и монстр чувствует мои крошечные движения внутри»¹⁴⁵ [1, с. 31]. Такое описание дома сразу же наводит на мысль о беременности, Элеонора становится ребенком, которого будущая монстроподобная мать ощущает в своей утробе. Как мать чувствует, когда ее ребенок пинается, так и Хилл-Хаус чувствует даже мельчайшие движения Элеоноры; однако, учитывая холодность матери, которой является Хилл-Хаус, возвращение Элеоноры в утробу может стать для нее трагедией. Люк, еще один гость Хилл-Хауса, приглашенный доктором, а также будущий владелец дома, подробно описывает холодную мать, которой является дом: «Все так по-матерински», – говорит Люк. «Все такое мягкое. Все такое удобное. Большие обнимающие кресла и диваны, которые оказываются жесткими и неприятными, когда вы садитесь, и сразу же отталкивают вас...»¹⁴⁶ [1, с. 156]. «Тяжелый железный замок, на котором изображено лицо ребенка»¹⁴⁷ [1, с. 26], а также детская, ставшая сердцем дома и более просторная, чем другие спальни, создают представление о Хилл Хаусе как о матери. Для атмосферы отчужденности Хилл-Хауса характерен «неопределенный дух запустения, который не встречается больше нигде в Хилл-Хаусе», а также «холодный барьер»¹⁴⁸ [1, с. 89], ощущаемый при входе в комнату. Поскольку Хилл-Хаус – это нелюбящая мать, неудивительно, что из всех помещений самой запущенной комнатой является детская.

Элеонора описывает свою мать в холодном тоне. Когда Элеонора обнаруживает библиотеку, она говорит: «Моя мать...», а затем, «не зная, что она хочет сказать» остальным, она «прижимается к стене»¹⁴⁹ [1, с. 76]. Вполне вероятно, что Элеонора старается избегать этой комнаты, поскольку она должна была читать матери любовные рассказы в течение двух часов каждый день. Элеонора не может даже выносить чтение по вечерам как следствие этого опыта. Позже Элеонора признается: «Мне не нравится чувствовать себя беспомощной»¹⁵⁰ [1, с. 88], а затем сопровождает этот комментарий словами «моя

¹³⁷ «inability to face strong sunlight without blinking» [2, p. 3].

¹³⁸ «reserved and shy» [2, p. 3].

¹³⁹ «lost her early adulthood and the chance at a career and permanent home while her older sister escaped caring for her mother and started her own family» [3, p. 475].

¹⁴⁰ «the kitchen was dark and narrow, and nothing you cooked there ever had any taste» [2, p. 81].

¹⁴¹ «[w]hy am I here?» [2, p. 19].

¹⁴² «I could turn my car around right here and now in front of these gates and go away from here, and no one would blame me» [2, p. 21].

¹⁴³ «[p]erhaps Hill House has a tower, or a secret chamber, or even a passageway going off into the hills and probably used by smugglers» [2, p. 23].

¹⁴⁴ «[p]erhaps I will encounter a devilishly handsome smuggler» [2, p. 23].

¹⁴⁵ «I am like a small creature swallowed whole . . . and the monster feels my tiny little movement inside» [2, p. 29].

¹⁴⁶ «'It's all so motherly,' Luke said. 'Everything so soft. Everything so padded. Great embracing chairs and sofas which turn out to be hard and unwelcome when you sit down, and reject you at once –» [2, p. 154].

¹⁴⁷ «heavy iron knocker that ha[s] a child's face» [2, p. 25].

¹⁴⁸ «indefinable air of neglect found nowhere else in Hill House and cold barrier» [2, p. 87].

¹⁴⁹ «My mother – not knowing what she wanted to tell she presse[s] herself against the wall» [2, p. 75].

¹⁵⁰ «I don't like to feel helpless, [m]y mother» [2, p. 86].

мать...»¹⁵¹ [1, с. 88], подразумевая, что, возможно, ее мать действительно заставляла ее чувствовать себя беспомощной, вероятно, через контроль, который она осуществляла над жизнью Элеоноры. Когда Люк позже признается Элеоноре: «У меня никогда не было матери», и говорит ей, что «тебе так повезло... у тебя была мать»¹⁵² [1, с. 125], Элеонора никак не комментирует это; опять же, молчание Элеоноры указывает на чувство, что ей, наоборот, не повезло, что у нее была такая мать.

Несмотря на то, что Хилл-Хаус кажется наполненным призраками, возможно, то, что на самом деле мучает Элеонору в доме, это бессознательная проекция установок и поведения ее матери. Когда она переживает, что ее новые красные босоножки и свитер, которые она специально купила, чтобы носить в Хилл-Хаусе, не совпадают по цвету, она отчитывает себя, а потом оправдывается «в любом случае, я права... за то, что хочу носить такие вещи; я никогда не носила их раньше»¹⁵³ [1, с. 36]. Красный цвет особенно символичен в данном случае, поскольку в малом масштабе он представляет мятежную попытку Элеоноры заявить о своей независимости и отвергнуть контроль матери. Вполне вероятно, что ее мать раскритиковала бы новый выбор одежды Элеоноры. Элеонора понимает, что она подсознательно чувствительна к тому, как мать воспринимает ее решения, и осуждает себя из-за влияния матери. Интересно также то, что Элеонора открыто не приемлет любовные истории, которые ее заставляла читать мать, однако именно их она сочиняет самой себе, убеждая себя, что в Хилл-Хаусе она встретит возлюбленного. И снова, несмотря на все усилия Элеоноры отдалиться от матери, она обнаруживает, что ее тянет к тем самым историям, которые нравились ее маме. В какой-то момент Элеонора размышляет: «Я изучаю пути сердца...», но быстро «задается вопросом, что она могла иметь в виду, думая о чем-то подобном»¹⁵⁴ [1, с. 123]. Она думает, что Люк «так чрезвычайно тщеславен», и снова ругает себя за «глупость или дерзость», а затем «удивляется собственным мыслям»¹⁵⁵ [1, с. 122].

Когда Теодора вместе с Элеонорой переживает такие эпизоды, как громкий стук в дверь, который происходит ночью и это, казалось бы, подтверждает реальность призрака, не исключено, что источником паранормальных явлений является сама Элеонора, а не Хилл-Хаус. В Хилл Хаусе Элеонора говорит, что это она виновата в смерти своей матери, поскольку однажды ночью она не отреагировала на стук в стену, сомневаясь, действительно ли мать проснулась, она предпочла проигнорировать ее, вместо того чтобы принести ей лекарство. Звуки, резонирующие в зале, могут быть слуховым проявлением ее вины. Важно также рассмотреть эпизод с падением камней в доме ее семьи после смерти отца, который доктор Монтегю считает полтергейстом. Хотя Элеонора предполагает, что камни падали из-за соседей, которые «всегда были против нас», потому что ее мать «не хотела с ними связываться»¹⁵⁶ [1, с. 55], вскоре она начинает рассматривать возможность того, что привидения могут быть вызваны ею самой. Когда Элеонора слышит смех в коридоре, она спрашивает себя: «[а] я ли это делаю?»¹⁵⁷ [1, с. 152] и приходит к выводу, что «это все у меня в голове, и это выходит, выходит, выходит»¹⁵⁸ [1, с. 150]. И снова, позднее, когда Элеонора слышит, как ее зовут по имени, она размышляет, что «слышала это как в своей голове, так и извне»¹⁵⁹ [1, с. 160]. Учитывая потенциальную способность Элеоноры создавать подобные явления, вполне вероятно, что желание Элеоноры найти свою мать и есть то самое привидение в Хилл-Хаусе. Не мать Элеоноры пишет на стенах «ПОМОГИ ЭЛЕОНОРЕ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ»¹⁶⁰ [1, с.108], а подавленное чувство вины и тоски Элеоноры порождает это послание.

Несмотря на то, что присутствие призраков в Хилл-Хаусе является спорным, Элеонора остро ощущает преследование. Хилл-Хаус метонимически представляет ее мать, он притягивает Элеонору к себе и делает невозможным ее побег или даже желание уехать. Ричард Паскаль отмечает, что «несомненно, для Элеоноры привлекательность дома, а также его ужас связаны с ощущением того, что он хочет заключить ее в материнские объятия, настолько всеобъемлющие, что ее только что завоеванная независимость и все бостатки ее индивидуальности будут полностью поглощены»¹⁶¹ [4, р. 469]. Таким образом, дом становится чем-то особенным, что, по мнению Элеоноры, нужно только ей самой. Она размышляет о своем счастье в этом доме, называя его «милый Хилл Хаус»¹⁶² [1, с. 107], и в то же время при-

¹⁵¹ «my mother...» [2, p. 86].

¹⁵² «I never had a mother. [y]ou were so lucky ... [y]ou had a mother» [2, p. 123].

¹⁵³ «[s]erves me right anyways . . . for wanting to wear such things; I never did before» [2, p. 33].

¹⁵⁴ «I am learning the pathways of the heart . . . wonder[ing] what she could have meant by thinking any such thing» [2, p. 121].

¹⁵⁵ «so extremely vain; foolish or bold; amazed at her own thoughts» [2, p. 121].

¹⁵⁶ «were always against us because; wouldn't mix with them» [2, p. 53].

¹⁵⁷ «[a]m I doing it?» [2, p. 149].

¹⁵⁸ «it's inside my head and it's getting out, getting out, getting out» [2, p. 149].

¹⁵⁹ «heard it inside and outside her head» [2, p. 159].

¹⁶⁰ «HELP ELEANOR COME HOME» [2, p. 107].

¹⁶¹ «[u]nquestionably for Eleanor the allure of the house, and also its horror, is bound up with the sense that it wishes to envelop her in a maternal embrace so comprehensive that her newly won independence and all vestiges of her individuality will be subsumed utterly» [4, p. 469].

¹⁶² «[I]ovely Hill House» [2, p. 106].

знает, насколько «физически комфортным»¹⁶³ он является [1, с. 67]. Она чувствует, что ее место в этом доме и что в кои-то веки она желанна; поэтому она решает «отказаться от владения этим моим «я», от- речья, добровольно отдать то, чего я никогда не хотела», даже решив, что «все, что оно хочет от меня, оно может получить»¹⁶⁴ [1, с. 151]. Элеонора чувствует, что Хилл-Хаус чего-то от нее хочет, и ее тянет к нему. Даже если речь идет о ее жизни, Элеонора готова отдать ее Хилл-Хаусу в обмен на чувство желан- ности и принадлежности.

Когда Элеонора решает целиком предаться Хилл-Хаусу, она верит в свое единение с этим домом, что свидетельствует о ее безумии. Элеонора «слышит все, по всему дому»¹⁶⁵ [1, с. 154], она становится настолько чувствительной, что способна воспринимать «пыль, мягко стелющуюся по чердакам» и «ста- рение древесины»¹⁶⁶ [1, с. 167]. Ее ощущение реальности меняется, когда она воспринимает, что «время, как она всегда его знала, остановилось», а позже заключает, что «время закончилось»¹⁶⁷ [1, с. 174]. Это полное отождествление с домом становится более очевидным, когда, мчась по коридорам Хилл- Хауса, Элеонора думает: «мы так легко их обманываем»¹⁶⁸ [1, с. 175]. Когда остальные участники экспе- римента требуют, чтобы она уехала, утверждение Элеоноры «я не могу уехать»¹⁶⁹ [1, с. 178] вовсе не вы- зывает удивления. С одной стороны, ее заявление указывает на то, что она осознает, что попала в ловуш- ку дома, который не позволяет ей покинуть его. Однако ее высказывание можно интерпретировать и так, что Элеонора чувствует, будто она сама выбирает остаться в доме, и это еще раз говорит о ее неразрыв- ной связи с Хилл-Хаусом. Именно в доме Элеонора чувствует, что она наконец-то стала самостоятель- ным человеком. Она выбирает остаться там, чувствуя себя желанной, даже осознавая, что это может обернуться для нее заточением.

Эти пересекающиеся ассоциации Элеоноры с матерью и домом становятся окончательным им- пульсом в ее решении никогда не уезжать. В конце концов Элеонора решает, что ее путешествие закон- чится встречей с матерью, и по собственной воле совершает самоубийство, въезжая на машине в дерево, в попытке навсегда остаться в Хилл-Хаусе. Однако, к сожалению, даже этот поступок не дает Элеоноре того, на что она рассчитывала. Направляясь к дереву, она задается вопросом «Зачем я это делаю?»¹⁷⁰ [1, с. 185], казалось бы, на мгновение возвращаясь к своему разуму. Но реальность пришла к Элеоноре слишком поздно, и читатели узнают, что даже после смерти она не может остаться в этом доме. То же описание Хилл-Хауса, с которого начинается роман, завершает его. Как и прежде, «все, что бродит там, бродит в одиночестве»¹⁷¹ [1, с. 186]. Даже после смерти Элеонора не была принята в Хилл-Хаусе и какой бы ни была ее судьба после самоубийства, единение с матерью не было достигнуто.

Таким образом, к особенностям психологического романа можно отнести подробное описание внутреннего мира главного героя и его подсознания через внутренний монолог. В романе Ш. Джексон также использует такие приемы психологического романа, как персонажи-двойники в виде пары Элео- норы и Теодоры и сестер Крейн, противопоставление характеров Элеоноры, которая видит в Теодоре идеальную версию себя, и самой Теодоры. Через их коммуникацию можно проследить внутренний кон- фликт главной героини, а именно двойственность ее желаний. Сюжет романа в некоторой степени био- графичен, ведь Ширли Джексон, как и Элеонора, имела сложные, в некоторой степени абьюзивные от- ношения со своей матерью. В данном произведении проблема взаимоотношений матери и дочери выве- дена на первый план. Кроме того, образ матери главной героини спроецирован на образ дома, который в некоторой степени функционирует как «живой» организм. Все эти приемы помогают раскрыть образ и характер главной героини, ее внутренние мотивы и тайны подсознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джексон, Ш. Призрак дома на холме / Ш. Джексон. – М.: АСТ, 2019. – 234 с.
2. Jackson, S. The Haunting of Hill House / S. Jackson. – USA, Ltd: Penguin Classics, 2009. – 289 p.
3. Hattenhauer, D. Shirley Jackson's American Gothic / D. Hattenhauer. – State U of New York, 2003. – 674 p.
4. Pascal, R. Walking Alone Together: Family Monsters in The Haunting of Hill House / R. Pascal. – Lon- don, 2014. – P. 464–485.

¹⁶³ «physically comfortable» [2, p. 66].

¹⁶⁴ «relinquish my possession of this self of mine, abdicate, give over willingly what I never wanted at all; whatever it wants of me it can have» [2, p. 150].

¹⁶⁵ «hear everything, all over the house» [2, p. 152].

¹⁶⁶ «the dust drifting gently in the attics» «the wood aging» [2, p. 165].

¹⁶⁷ «time, as she had always known time, stop[ped]; time is ended now» [2, p. 172].

¹⁶⁸ «we trick them so easily» [2, p. 173].

¹⁶⁹ «I can't leave» [2, p. 176].

¹⁷⁰ «Why am I doing this?» [2, p. 182].

¹⁷¹ «whatever walk[s] there, walk[s] alone» [2, p. 182].